

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

I.

ВЕСТЬДА 2-я

о лицѣ Господа нашего Іисуса Христа.

*Тебе хвалитъ пресвятлоен
мученическое воинство
(Хвалѣб пѣснь).*

Переходимъ къ другой свидѣтельской группѣ за Христа, — къ группѣ св. мучениковъ.

Предъ духовнымъ взоромъ нашимъ предносится чудно поразительная картина, почти вся составленная изъ библейскихъ образовъ. Бурно дуютъ вѣтры со всехъ сторонъ свѣта;

моря разверзаютъ лоно и отдають мертвецовъ своихъ; земли колеблетя, гробы раскрываются и изъ нихъ выходятъ тьсящи, сотни тьсячь, миллионы мертвецовъ. Спины ихъ разтерзаны, тѣла разрублены, члены оторваны. Сотни тьсячь между ними—повѣшенныхъ, обезглавленныхъ, задушенныхъ, распятыхъ на крестѣ, кипяченныхъ въ смолѣ или оловѣ, растерзанныхъ звѣрями, утопленныхъ, колесованныхъ, распиленныхъ, изжаренныхъ на скорородахъ и сожженныхъ въ огнѣ; у многихъ и очень многихъ изъ нихъ выколоты глаза, урѣзаны языкъ, вытянуты жилы. Никакой человѣческой глазъ не въ силахъ вынести равнодушно такого зрѣлища.—Кто вы? въ ужасѣ мы спрашиваемъ ихъ,—откуда и какъ ваши имена?

—Мы—свидѣтели, пролившие за Христа кровь свою; мы—христіанскіе мученики, среди пытокъ и звѣрскихъ изтязаній исповѣдавшие Христа и испустившіе духъ свой,—мы со всѣхъ сторонъ свѣта, потому что кровь за Христа лилась всюду; имя наше—легіонъ легіоновъ, потому что насъ безчисленное множество.

Но вотъ предъ нами и другая совершенно противоположнаго свойства картина, хотя тоже не новая, такъ какъ въ мрачныхъ чертахъ своихъ предносилась она предъ духовнымъ взоромъ еще царепророка Давида (Псал. 11). „Какъ море, волнуется и мятутся народы подъ напоромъ тщетныхъ ученій вѣка. Философы и естествоиспытатели и представители другихъ современныхъ наукъ въ большомъ количествѣ, къ изумленію, стоятъ на сторонѣ отрицательнаго движенія. Возстали они *вкупѣ на Господа и на Христа Ею*“.—Кто вы? спрашиваемъ мы и ихъ.

—Мы—свободные мыслители, сторонники современныхъ направленій научной мысли. Пришли на судилище разума, чтобы поднять голосъ противъ мучениковъ, опровергнуть ихъ свидѣтельство о Христѣ и показать всю несостоятельность его. Съ этою цѣлію мы утверждаемъ, что а) мученики не болѣе, какъ фанатики, каковыхъ во множествѣ представляютъ намъ всѣ религіозныя секты; что б) мучениковъ истязали не за вѣру во Христа, а за государственныя преступленія и непокорность законамъ имперіи и вообще за дурную

жизнь; что в) мученичество, какъ принадлежность всѣхъ религиозныхъ сектъ, способныхъ доводить сердце до слѣпнago увлеченiя, само по себѣ, въ отношенiи религиозной истины, ничего еще не доказываетъ; что г) наконецъ самый трехсотлѣтнiй подвигъ мучениковъ, кровь которыхъ, въ силу распоряженiй государственной власти, проливалась за все это время безнаказанно, говорить не за достоинство лица Христова, какъ Главы христіанства, а прямо противъ Него. Въ самомъ дѣлѣ, въ томъ пастухѣ, въ глазахъ котораго рѣжутъ его овецъ или съ живыхъ сдираютъ съ нихъ кожу, а онъ между тѣмъ безмолвствуетъ, бездѣйствуетъ, не естественно ли видѣть одно изъ двухъ: или его равнодушіе, или его безсиліе? А то и другое—недостатокъ.

Сильны, повидимому, обвиненiя свободныхъ мыслителей противъ мучениковъ и ихъ подвига; но заслушаемъ и сихъ послѣднихъ, прежде чѣмъ произнесемъ судъ надъ ними. Что вы скажете, мученики, противъ тѣхъ обвиненiй, какия сей-часъ высказаны противъ васъ и вашего подвига? Чѣмъ, наприм., увѣрите разумъ, что вы жили и дѣйствовали, страдали и умирали въ здоровомъ умѣ, а не подъ влияніемъ болѣзненнаго душевнаго состоянiя, каково, наприм., состоянiе фанатизма?

— Скажемъ истину и будемъ свидѣтельствоваться истиною. Скажемъ одно и будемъ увѣрять васъ однимъ,—именно, что мы были истинными христіанами, а потому не только жили и разсуждали похристіански, но и страдали и умирали, какъ христіане. Этого требовало отъ насъ положительное христіанское ученіе. При какихъ условiяхъ могли быть богоугодны наши страданiя, равно при какихъ могла назваться мученическою смерть наша и при какихъ только гражданскою казнiю, въ какомъ духѣ надлежало намъ страдать и умирать,—вопросы эти со всею полнотою разрѣшилъ еще Св. Апостоль Петръ въ одномъ изъ своихъ посланiй къ находившимся въ разсѣянiи и гоненiи христіанамъ (1 посл. гл. II и IV). Знали все это у насъ не только мужи, но и отроки. Откуда тутъ можетъ быть фанатизмъ, когда мы и въ жизни, и въ страданiяхъ, и въ смерти должны были руководиться строго опредѣленными правилами и во всемъ поступать обдуманно,

сдержанно! Кроме того, и христианство, как религия, не дает почвы для фанатизма. Вот наш главный ответ на первое обвинение, взводимое на нас свободными мыслителями.

Для знакомых с христианством ответ мучеников, бесспорно, силен и глубоко убедителен. Как религия, предназначенная к обновлению человека во всем существе его, христианство ни своим ввержением, ни своею практикою не дает действительно почвы для фанатизма. Объемля своим содержанием все духовныя потребности человека, оно потому самому одинаково действует на все силы души человеческой, не развивая ни одной из них въ ущерб другой. Глубоко знаменателен поему тотъ фактъ, что Христосъ учение свое о царствѣ Божіи или христианствѣ сравниваетъ съ закваскою, которая, какъ извѣстно, одинаково и равносильно объемлетъ собою все смѣшеніе. Это первое. Проповѣдая близость царствія небеснаго, христианство не скрываетъ ни отъ кого и того тернистаго пути, по которому нужно идти къ этому царствію. Это второе. Общія вѣрующимъ вѣчныя блага на небесахъ, христианство не открываетъ однако этихъ благъ на столько, чтобы возбуждалась о нихъ мечтательность и, что всего важнѣе, полученіе этихъ благъ обусловливаетъ не частнымъ какимъ-либо случаемъ, а всецѣлымъ духовнымъ обновленіемъ человѣческаго существа. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, тутъ пища для фантазій? Гдѣ почва для фанатизма?—Далѣе: христианство, какъ религія всемирная, съ безусловною любовью къ Богу проповѣдуетъ рядомъ такую же любовь къ ближнимъ и представляетъ ту и другую въ неразрывной связи между собою. *Аще кто речетъ, яко люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, ложь есть* (1 Иоан. IV, 20). Богъ—это все для истиннаго христианина; человекъ, кто бы онъ ни былъ, это—братъ его. И тогда какъ въ религіозныхъ сектахъ, за исключеніемъ своихъ членовъ, никого не любятъ, никого не терпятъ и ненависть свою къ иновѣрцамъ нерѣдко доводятъ, действительно, до фанатизма,—христианство открыто проповѣдуетъ: *имѣть Иудей, ни Еллинъ, громогласно учить узнавать въ самарянцѣ своего ближняго и брата и во всеуслышаніе исповѣдуетъ: любите враги ваша, благословите кланущія вы, добро творите нена-*

видящимъ ваети молитеся за творящихъ вамъ напасть и изонящихъ вы (Матѳ. V, 44). Любовь и фанатизмъ — вещи несовмѣстимыя. Фанатизмъ, это — порождение тьмы или духовной слѣпоты; онъ упоренъ, потому управляется здравымъ разсужденіемъ; буренъ, но безъ опасеннообладанія; готовъ на смерть, но съ клятвою на своихъ преслѣдователей; иногда возгорается, но чаще разрѣшается от трескомъ и дымомъ изувѣр-ной злобы и вражды. Очевидно, что — состояніе болѣзненное, неправильное, безпокойное, отчаянное; подобное тому, какое испытываетъ человекъ, видущій и дѣйствующій на дурномъ пути, при непроницаемой тьмѣ (1 Іоан. II, 11). Любовь — стихія яная. По словамъ великихъ учителей и учителей любви, она есть даръ Божій (1 Іоан. IV, 7); она — свѣтъ для души, она невозмутима, потому что глубока (11, 10); она все терпитъ, не завидитъ, не превозносится, не безчестуется, не ищетъ своихъ си, и не раздражается и николиже отпадаетъ (1 Корин. XIII, 4, 7). Слѣдовательно, это — сила крѣпкая, устойчивая, самообладающая; управляется здравымъ разсудкомъ и лежитъ въ душѣ человеческой столь глубоко, что не узвляется никакими внѣшнимъ прираженіями, николиже отпадаетъ. *каждо отъ твоей славы слово* Но чѣмъ вы, мученики, докажете, что вы дѣйствительно обладали такою любовью, кака и проповѣдуется христіанскимъ ученіемъ? *каждо отъ твоей славы слово* Несомнѣнными историческими фактами. Прочитайте актъ смерти перваго изъ насъ мученика, Архидіакона Стефана, записанный въ книгѣ Апостольскихъ Дѣяній, подлинности и достовѣрности которой, не въ состояніи была отвергнуть никакая историческая критика. *Каменіемъ побивашу Стефана*, гласитъ названная книга, *молящаяся и глаголющая: Господи Іисусе, приими духъ мой. Преклонъ же колѣна, возопи гласомъ велиимъ. Господи, не постави имъ грѣха сего; и сіа рече усне* (VII, 59, 60). *оуди* Чудно, божественно чудно! Ни слова ропота на убійцы! Ни послѣдоваго сѣтованія на свою участь! Одна только преданность Господу, одна только у него любовь даже къ своимъ убійцамъ! Не постави имъ грѣха сего! И кто, думаете, былъ личнымъ свидѣтелемъ этого отрогательнаго факта? Между про-

чимъ, одинъ изъ величайшихъ сперва проповѣдниковъ христіанства, а потомъ одинъ изъ величайшихъ Апостоловъ Христовыхъ — Апостолъ Павелъ (Дѣян. VII, 58 и XVII, 4, 5, 6, 7). Читалъ акты смерти Стефана, и невольно задаешь вопросъ: зналъ ли до христіанскій міръ такое невозмутимое спокойствіе сердца предъ лицомъ казни и такую любовь къ своимъ убійцамъ? Нѣтъ, положительно нѣтъ. Это стало извѣстно только послѣ смерти Того, изъ святѣйшихъ устъ Котораго міръ впервые услышалъ на Голгоѣ божественное слово всепрощающей любви: отпусти имъ. Акты смерти Стефановой въ этомъ родѣ не единственный. Подобная смерть во множествѣ записана въ актахъ мучениковъ. И такъ — Такъ! Но увлекаемые особенною любовію ко Христу, не искали ли вы сами себѣ смерти, или не вызывались ли сами на мученія, какъ дѣлаютъ это фанатики? — Нѣтъ, мы воздерживались отъ сего, хотя и сражаться и умереть за Христа и считали для себя лучшимъ жребіемъ (Дѣян. IV, 41). Мы только принимали страданія и смерть, когда нельзя было избѣгать ихъ и когда они нужны были, какъ свидѣтельство искренности нашего вѣрованія во Христа. Такъ поступать обязывала насъ божественная заповѣдь, переданная Апостоломъ Петромъ, — страдать не самовольно, но заповѣдью Божіей (I. Петр. IV, 19) т. е. тогда когда не оказывалось уже ни какой возможности избѣгать страданій и смерти безъ того, чтобы не омрачить своего вѣрованія, чтобы не уронить чести христіанскаго званія.

Что и христіанскіе мученики, дѣйствительно, такъ и поступали, это видно изъ того, что когда некоторые изъ христіанъ, не бывъ вынуждены обстоятельствами и въ силу только однихъ внутреннихъ порывовъ, сами вызывались на мученіе, то Церковь строго осудила таковыхъ и не причла ихъ къ лику мучениковъ. Исторической наукой фактъ этотъ извѣстенъ. — Наконецъ, что мы не были фанатиками, увѣряемъ и глѣшь, что среди насъ были люди, извѣстные цѣлому міру своею глубокою ученостію и нравственною твердостью въ характерѣ, какъ философы и догматики. Ученія творенія этихъ людей! по достоинству оценены наукой, какъ плоды здравого смысла, и надъ апологіями ихъ задумывались

римскіе кесари и сенатъ, какъ надъ прямо бьющею въ глаза правдою. Такихъ людей оговаривать въ фанатизмъ, очевидно, нельзя.

Такимъ образомъ, этимъ христіанскимъ вѣрученіемъ и христіанскою практикою вы доказали, что вы не были фанатиками. Но чѣмъ вы докажете, что васъ преслѣдовали единственно только за ваше вѣрованіе во Христа, а не за противленіе государственной власти и законамъ имперіи?

Докажемъ расвидѣльствованною на дѣлѣ вѣрностію христіанскому ученію и несомнѣнными историческими документами. Еще Св. Апостолъ Петръ писалъ находившимся въ разсѣяніи христіанамъ: *да не кто отъ васъ постраждетъ, яко убійца, или яко злодѣй, или яко чуждопосытникъ; аще ли же яко христіанинъ, да не стыдится, да прославляетъ же Бога въ части сей.* Апостолъ ясно внушалъ этимъ христіанамъ, что никакія страданія, никакая смерть мучительная, если они присуждены за преступленія, неудобны Богу и не даютъ права на мученичeskій вѣнецъ. По его мысли, даетъ это право только страданіе за Христа и одна смерть за вѣру въ Него, при доброй однако жизни и неукоризненномъ блюденіи общественныхъ порядковъ, *аще ли кто (страждетъ), яко христіанинъ. Повинитесь всякому человекуму созданію Господа ради: аще царю, яко преобладающему, аще ли княземъ, яко отъ него посланнымъ,* писалъ тотъ же апостолъ въ разъясненіе отношеній христіанъ къ властямъ иновѣрнымъ (1. Пет. 11, 13, 14). Замѣьте, Апостолъ не просто говоритъ: повинуйтесь властямъ, а прибавляетъ: *Господа ради;* т. е. повинуйтесь властямъ, не смотря на иновѣріе ихъ, потому что этого требуетъ отъ насъ Господь; повинуйтесь имъ на столько искренно, на сколько требуетъ этого уваженіе къ волѣ Господа, Имъ же царіе царствуютъ и сильніи земли лишуть правду; повинуйтесь не по страху только, не изъ разчетовъ политики и собственной безопасности, но по чистой христіанской совѣсти, которая, какъ око въ насъ Господне, не только не должна быть въ разладѣ съ волею Божіею, но и навсегда быть чуткою къ общественному благу, созидаемому уваженіемъ и покорностію властямъ (ср. Тим. II, 1, 2). Что христіане такъ дѣйстви-

тельно и поступали, какъ предписывало ихъ ученіе, объ этомъ свидѣтельствуютъ историческіе памятники того времени. „У васъ темницы переполнены преступниками; найдите между ними хотя одного христіанина, воскликнуть съ дерзновеніемъ Тертуліанъ предъ лицемъ римскаго сената, (*) и никто не заградилъ его усть. Какъ новая, свѣжая и сильная закваска скоро сквашиваетъ собою все смѣшеніе: такъ точно христіанскія начала вѣры и нравственности, воспринятія увѣровавшими во Христа, въ короткое время со всюю силою и полнотою охватили собою христіанскую среду и рѣзко сказались въ современномъ обществѣ инымъ образомъ мысли, инымъ складомъ жизни, дотоль міру невѣдомыми. Если же такovy были первенствующіе христіане вообще; то мученики — по преимуществу, какъ цвѣтъ христіанства. „Мы просимъ у Бога императорамъ благоденствія, мирнаго царствованія, безопасности ихъ дома, храбрости воинства, вѣрности сената, благонавія народа, спокойствія всего міра, — словомъ, всего того, чего человекъ, чего императоръ пожелать только можетъ,“ говоритъ тотъ же ученый христіанскій писатель (**). Что Тертуліанъ говорилъ правду, а не льстилъ кесарямъ и сенату, это видно изъ того, что онъ говорилъ во время гоненій, когда и правда высказывалась не иначе, какъ съ трепетомъ сердца, — а еще болѣе изъ того, что въ христіанскихъ богослуженіяхъ, которыя, ради безопасности, совершались тогда въ какихъ-либо подземельяхъ или катакомбахъ, куда не прошивалъ сторонній глазъ и слухъ, неопустительно возносилось общественное моленіе о предержавшихъ властяхъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ чинъ древнѣйшихъ литургій. — Вообще христіане до того были мирны, что за весь мученичскій періодъ исторія не знаетъ ни одного заговора ихъ противъ кесарей и властей и, во время мира и на войнѣ, въ полномъ смыслѣ слова они были лучшими гражданами общества и лучшими воинами въ легионахъ императоровъ. Наконецъ, скажемъ мы и то, что представители наши въ своихъ апологіяхъ, какъ непреложную истину, чаще всего, проводили предъ императорами и сенатомъ ту главную мысль, что

(*) Апологія Тертіана отъ Рима. (2) Апологія Тертіана отъ Рима.

(**) Апологія.

одно имя „христианинъ“ не даетъ еще повода къ гоненію на христианъ, что, напротивъ, подобной карѣ должны подлежать только преступленія государственныя или нравственныя. Все это факты, вполне извѣстные исторической наукѣ.

И такъ, по словамъ вашимъ, вы оказываетесь свидѣтелями нравственно состоятельными, такъ какъ вполне уяснили, что владѣли здравыми умомъ и доброю нравственностью. Что же вы свидѣствуете о Христѣ?

— Вмѣстѣ съ Игнатіемъ Богоносцемъ, мы всѣ свидѣствуемъ одно: „одинъ только есть Богъ, сотворившій небо и землю, и одинъ Исусъ Христосъ, Его едиnorodный Сынъ, въ царствѣ Котораго мы будемъ участниками, который взялъ съ Собой на крестъ наши грѣхи, вмѣстѣ съ ихъ наказаніемъ (*).“ Вотъ наше свидѣтельство, за которое мы страдали, проливали кровь и умерли!

Пусть будетъ такъ; но вопросъ по существу своему чрезъ это еще не разрѣшается. Вы сказали, что страдали и умерли за ваше свидѣтельство о Христѣ, но справедливо ли было ваше свидѣтельство, или нѣтъ, никакія вынесенныя вами пытки и никакая вынесенная вами смерть отвѣта на это еще не даютъ. По нашему убѣжденію, вы даже вовсе и не свидѣтели за Христа, а только борцы за христианскую идею, или за составившееся у васъ личное убѣжденіе относительно лица Христова. Правильно ли ваше убѣжденіе, мученичество ваше и самая смерть ваша, какъ мы сказали, этого еще не разрѣшаютъ. Мало ли умирали въ истязаніяхъ и пыткахъ, какъ это извѣстно изъ исторій, всякаго рода сектантовъ, изуверовъ, еретиковъ за свои убѣжденія? А между тѣмъ оказывалось, что они страдали и проливали кровь не за истину, а за свои заблужденія. Такимъ образомъ вопросъ о лицѣ Христа, и послѣ вашего мученичества и смерти за Него, остается попрежнему открытымъ, до тѣхъ по крайней мѣрѣ поръ, пока не будетъ доказано, что смерть ваша служитъ именно доказательствомъ справедливости вашего убѣжденія относительно лица Христова.

(*) Ruinar, acta mart sincera, Editio 1731 г.

— На это самое теперь мы и будемъ отвѣчать. Для этой цѣли мы могли бы указать на многое, на все то, что подготовляло въ насъ, воспитывало и подкрѣпляло наше христіанское убѣжденіе. могли бы указать на это потому, что мученическая смерть наша есть не случайное, не отрывочное какое—либо явленіе въ нашей жизни, а напротивъ это только завершеніе всего нашего духовнаго развитія и потому натурально стоитъ въ связи со всѣмъ тѣмъ, что содѣйствовало этому развитію. Могли бы, наприм., указать на древность и жизненность христіанской идеи. Какъ христіанство—не секта, такъ и христіанская идея ни въ какомъ случаѣ не сектантская, не случайная, не рожденіе ума человѣческаго. И книга Бытія, достовѣрность которой признана наукою, и согласныя преданія всѣхъ народовъ, свидѣтельствуютъ, что идея о Возстановителѣ человѣческаго рода есть идея богопреданная и открыта человѣку еще у колыбели его. Идея эта прошла чрезъ всѣ вѣка древняго міра, находя свое выраженіе и развитіе то въ обѣтованіяхъ, то въ прообразованіяхъ, то въ пророческихъ сказаніяхъ; получила свое полное оправданіе въ лицѣ Иисуса Христа и тѣмъ положила начало новому міру, возвыщена во всей вселенной самовидцами Христа, святыми Его Апостолами; воспріята богоносными мужами, смѣшившими собою Апостоловъ на чредѣ служенія ей; сохранилась и хранилась всецѣло и неизмѣнно въ церкви Божіей—въ св. Евангеліяхъ, апостольскихъ посланіяхъ и священномъ преданіи и явно торжествуетъ свою побѣду надъ міромъ, переустроивъ и обновивъ его во всей цѣльности духовной жизни человѣка. *Сія побѣда, побѣдившая міръ, есть въра ваша*, восклицалъ еще св. Апостоль Павелъ, когда во всѣхъ концахъ міра раздавалась апостольская проповѣдь о Христѣ стала дѣйствительно, подобно бурѣ, разрушать древній міръ съ его релігіозными взглядами, понятіями, учрежденіями и правами, какъ огонь, зажигать человѣческія сердца и, какъ весенній лучъ солнца и тихій дождь, обновлять лице земли.—Разверните исторію, и вы увидите, что было въ мірѣ до Христа и что стало въ немъ со Христомъ и чрезъ Христа. Сличите при этомъ памятники всѣхъ временъ новаго міра, и вы увидите, что христіан-

ская идея есть не мертвая идея, живущая только въ священ-
ныхъ кодексахъ, нѣтъ, это—живая и необоримая сила. Сила
эта идетъ поступательно и прогрессивно, всюду ведетъ борь-
бу съ невѣріемъ и, въ концѣ концовъ, торжествуетъ побѣду,
разсѣвая мракъ невѣжества, суевѣрій и нечестія. Въ наше
время, по истеченіи восемнадцати вѣковъ, христіанство про-
никло уже своимъ духомъ и буквой во всѣ общественныя
учрежденія, въ ваши законы, въ ваши нравы и обычаи, въ
ваши науки и искусства. Враги его могутъ вооружиться про-
тивъ него, но для замѣны его не въ состояніи ничего найти,
кромѣ заимствованій изъ негоже и поддѣлки подъ него. Та-
кая древность христіанской идеи, современной съ колыбелью
человѣчества, такая устойчивость и жизненность этой идеи,
ей, наконецъ, постепенное раскрытіе и вліяніе на духовную
жизнь человѣка и судьбы міра не только говорятъ за ея
внутреннюю состоятельность, за ея потребность для человѣ-
ческой природы и ея жизненную силу, но и вмѣстѣ съ симъ
неотразимо указываютъ и на самую охраняемость ея въ че-
ловѣческомъ родѣ, при всѣхъ перемѣнахъ и превратностяхъ
его, особеннымъ высшимъ Промысломъ.

Далѣе: мы могли бы сказать для нашей цѣли и то, что
изъ насъ многіе жили при самихъ Апостолахъ, многіе были
ихъ ближайшими учениками, слышали изъ собственныхъ ихъ
устъ разсказъ о Христѣ, Его ученіи, жизни и чудесахъ, и
слѣдовательно въ этомъ смыслѣ суть не борцы только за
христіанскую идею, но и достовѣрные свидѣтели за Христа,
какъ слышавшіе о Немъ изъ первыхъ устъ, изъ устъ само-
видцевъ; а такимъ свидѣтелямъ не вѣрить нельзя, коль ско-
ро достовѣрны первыя уста. Мы могли бы опять указать и
на то, что весьма многіе изъ насъ знали лично самихъ бо-
годуховенныхъ писателей св. Евангелій и Апостольскихъ по-
сланій, читая которыя общины христіанскія невольно и не
отразимо проникались убѣжденіемъ о свѣше человѣческомъ
или Богочеловѣческомъ Лицѣ Христовомъ. Наконецъ мы мо-
гли бы упомянуть и о томъ, что весьма многіе изъ насъ бы-
ли свидѣтелями не только апостольскихъ чудесъ, совершен-
ныхъ ими о имени Иисусовѣ, но и тѣхъ высокихъ и разно-
образныхъ духовныхъ дарованій, которыми такъ богаты бы-

ли св. Апостолы и бывшая при них и послѣ них Христова церковь, что все опять говорить о божественномъ величїи Главы христіанства. Все это до того исторически вѣрно, что отвергать что-либо изъ сказаннаго — значитъ идти прямо противъ обще-признаваемыхъ историческихъ документовъ, или противъ очевидности. Правда, большинство изъ насъ не видѣло Христа, но наше убѣжденіе отъ этого ничего не теряетъ. Развѣ нужно непременно откапывать корни дерева, чтобы судить о ихъ свойствахъ и достоинствахъ? Ихъ свойство и достоинство и безъ того сказывается въ деревѣ, которое держится на нихъ, въ сокахъ, которыми питается оно, и въ плодахъ, которые растутъ и зрѣютъ на его вѣтвяхъ. Мы могли бы все это сказать и, надѣемся, были бы вправдѣ ожидать отвѣта, что мы убѣжденіе наше относительно божественнаго достоинства лица Христова основывали на твердыхъ началахъ. Но мы все это опускаемъ, чтобы, согласно вашему желанію, показать прямо, что и одна смерть наша, помимо всего вышесказаннаго, даетъ твердое доказательство истинности нашего свидѣтельства о Христѣ, потому что она свѣше засвидѣтельствована.

Для знакомыхъ съ исторіею отвѣтъ мучениковъ вполне убѣдительно и доказательно. Но для большей очевидности мы постараемся разъяснить его.

Никто, желая почтить память великаго народнаго поэта, въ виду еще свѣжей могилы его, сказалъ, что къ ней не заростетъ народная трона. Такъ поэтъ былъ дорогъ для народа! Но поэта, со смертію его, все же не стало; лично онъ умеръ для народа навсегда. Пройдетъ десять, двадцать, много сто лѣтъ, потеряютъ свое обаяніе и его сладкозвучныя пѣснопѣнія, въ которыя такъ жадно влущивался народъ. Такимъ образомъ не станетъ ни поэта, ни его твореній, и къ могилѣ его сама собою будетъ заростать народная трона. Таже судьба постигаетъ и другихъ народныхъ дѣятелей, по смерти ихъ. Не спрашивайте при этомъ о ихъ загробной судьбѣ. Никто не дастъ вамъ на это отвѣта на землѣ, и до поры, до времени, само небо хранить молчаливо эту тайну, какъ могила хранитъ прахъ ихъ. Такова судьба дѣлъ человеческихъ, не божественныхъ Божіей печатію! Ни

въ нихъ, ни послѣ нихъ, нѣтъ неумирающаго величія! Но тогда какъ смерть и могила народныхъ дѣятелей начинаютъ собою прекращеніе ихъ личной дѣятельности на пользу народа, тогда какъ такимъ образомъ онѣ готовятъ имъ и первый шагъ къ забвенію ихъ и славы ихъ среди народа, такъ какъ имя ихъ вспомнится развѣ только на страницахъ исторіи, — смерть и могила христіанскихъ мучениковъ только что начинаютъ собою откровеніе ихъ славы; на всѣ вѣка, во всѣ грядущія поколѣнія изъ нихъ сіяетъ свѣтъ, струится жизнь и загробная судьба ихъ — никому не тайна. Чудное дѣло! Съ одного конца міра на другой спѣшатъ къ ихъ могиламъ и гробамъ старцы и юноши. Цари и вельможи преклоняютъ предъ ихъ останками колѣна. Въ горѣ и радости вся церковь проситъ ихъ молитвеннаго ходатайства предъ Богомъ, помощи въ нуждѣ, облегченія въ тѣснотѣ и исцѣленія въ болѣзняхъ, потому что она вѣритъ въ ихъ близость къ Творцу міра, вѣритъ въ непрерывность ихъ участія и любви къ земнымъ своимъ братьямъ. О, вотъ къ кому не зарастаетъ тропа не только народа роднаго, но и другихъ народовъ! Вотъ у чьихъ могилъ ничего не значить столѣтіе и тысячелѣтіе! Отчего это такъ? Оттого, что на ихъ смерти, на ихъ посмертныхъ останкахъ, покоющихся въ могилахъ, лежитъ божественная печать и преломляется лучъ славы небесной. Вѣрно слово апостольское: *аче съ Нимъ (Христомъ) страждемъ, съ Нимъ и прославимся.* Да, смерть мучениковъ за Христа, какъ смерть за истину, какъ жертва любви, всецѣло принесшей себя во всесоженіе за божественное дѣло, не осталась не свидѣтельствованною свыше: въ безчисленномъ множествѣ случаевъ она сопровождалась явными небесными знаменіями и чудесами. Первые люди въ мірѣ по образованію и благочестію дерзновенно засвидѣтельствовали объ этомъ и своимъ высшимъ, обще признаннымъ, умственно-нравственнымъ авторитетомъ, устранили при этомъ всякую мысль о поддѣлкѣ, обманѣ и суевѣріи. Вся вселенская церковь исповѣдуетъ эту истину на основаніи тѣхъ чудодѣйственныхъ опытовъ отъ мученическихъ останковъ, которые засвидѣтельствованы не только очевидностію дѣла, но и слѣдственнымъ порядкомъ. Самые заклятые вра-

ги христианства, каковы—Юлианъ отступникъ и его единомышленники, принуждены были признать сверхъестественную силу мученическихъ костей, когда, по причинѣ близости этихъ костей, смолкли прорицанія въ языческихъ капищахъ. Наконецъ, и благоволеніе Божіе къ смерти мучениковъ такъ велико, и смерть эта оцѣнена небеснымъ правосудіемъ такъ явно высоко, что самыя кости многихъ изъ нихъ хранить Господь и досель, и не только ни одна изъ нихъ не сокрушилась, но многія и многія изъ нихъ и досель источаютъ исцѣленія съ вѣрою приходящимъ къ нимъ. Это въ православнои церкви фактъ общественный и составляетъ предметъ непоколебимаго вѣрованія, какъ фактъ, оправдываемый не сомнѣнными, совершившимися на пространствѣ вѣковъ надъ людьми всѣхъ званій и степеней образованія, безчисленными чудодѣйственными опытами. Не вѣрять этому лишь тѣ, которые не вѣрять ничему. Это—сыны противленія, нечестіемъ сердца убившіе въ себѣ всякое чувство любви къ правдѣ и истинѣ. Такое исторически достовѣрное явленіе составляетъ не только Божественное запечатлѣніе богоугодности мученическаго подвига христианъ, какъ всецѣлаго принесенія ихъ самихъ себя въ жертву Богу за Его истину и дѣло, но и видимый знакъ присущей христианству божественной силы и видимую печать истинности его вѣроученія. Другаго вывода здѣсь быть не должно. Промыслъ Божій не станетъ являть свою силу на помощь лжи и обмана, равно какъ не станетъ прославлять заблужденіе или нечестіе. Отвергать достовѣрность чудесъ, прославившихъ мучениковъ, значитъ по меньшей мѣрѣ не только отвергать исторію и идти противъ очевидности, но и обличать въ намѣренномъ обманѣ и потворствѣ лжи всю Христову церковь, состоящую изъ лучшихъ людей міра; а это противно здравому смыслу и вовсе ненаучно, чтобы не сказать болѣе.

Подтверждаетъ свидѣтельство мучениковъ о Богочеловѣческомъ лицѣ Христовомъ мученическая смерть ихъ, равнымъ образомъ, и тѣмъ, что смерть эта запечатлѣна была любовію ихъ ко врагамъ, даже къ ихъ личнымъ мучителямъ. Доказательство воистинну сильное! Любить того, кто дышетъ на тебя неукротимою злобою, желать добра тому, чья рука

въ тотъ же моментъ вержетъ на тебя камень, чтобы изуродовать или убить тебя, молиться за того, кто взялъ уже мечъ, чтобы отрубить тебѣ голову, или чьи уста всенародно сыплютъ на тебя одни поношенія и изрыгаютъ одни хулы и проклятія, — ибѣтъ, этому чувству не возрасти на почвѣ чело-вѣческой! Человѣческая природа, по жестокосердію своему, выработала иной законъ ко врагамъ: око за око и зубъ за зубъ, — законъ мести и проклятія. Лучшіе представители чело-вѣчества, воспитанные въ христіанства, ненависть къ личнымъ врагамъ и мечь за личные обиды считали не толь-ко чувствами дозволенными, но и чувствами нравственного долга; они гордились ненавистью и мщеніемъ, какъ правомъ, какъ подвигами чести и славы. (*) Тайна — зло побуждать добромъ и духовная сладость прощенія были имъ недоступ-ны. Отсюда ясно, что любовь ко врагамъ родилась и воз-расла на иной почвѣ, а именно на христіанской, подъ влія-ніемъ той Божественной Любви, которая сілетъ солнце на злыя и благія и посылаетъ дождь на поля праведныхъ и неправедныхъ (Матѣ. V, 45) и изрекла на крестѣ: „отпусти имъ“. Любовь ко врагамъ! Вѣдь это чудо въ нравственномъ мірѣ, такое же, какое видѣлось бы въ прекращеніи бури од-нимъ словомъ въ мірѣ физическомъ. Тотъ, кто властенъ ска-зать до послѣдней глубины узвлненому челоуѣческому серд-цу: „замолчи!“ очевидно ни въ какомъ случаѣ не менѣе того, кто властенъ тоже слово сказать бурѣ, и вдругъ стала бы тишина велія... Тамъ и здѣсь потребна сила божественная, власть и всемогущество Творца. Потому-то глубочайшіе зна-токи челоуѣческой природы и вмѣстѣ тонкіе различители благодатныхъ дѣйствій Духа Божія въ челоуѣческой душѣ, св. Апостолы, чистую любовь сердца называютъ прямо да-ромъ Божиимъ (1 Іоан. IV, 7 — Галат. V, 22). От любви ко врагамъ безъ Божіей помощи, послѣ этого, очевидно, не мо-жетъ быть и рѣчи. Выводъ и здѣсь тотъ же, что и пре-жде: Богъ, чистая Истина и Святоеть, не станетъ являть по-мощь лжи и обману, или имѣть общеніе съ заблужденіемъ и нечестіемъ.

(*) Светоній in Caes. 74. Циперонъ de provinciis. Тацитъ.

Такимъ образомъ открывается, что обвиненія свободныхъ мыслителей, будто мученическая смерть за Христа, относительно лица Его ничего не доказываетъ, оказывается обвиненіемъ несостоятельнымъ, прямо ложнымъ. Нѣтъ, смерть эта, какъ мы видѣли, была не только выраженіемъ со стороны мучениковъ ихъ искреннаго убѣжденія въ богочеловѣческомъ достоинствѣ лица Іисусова, но и непререкаемымъ свидѣтельствомъ для другихъ истинности такого ихъ убѣжденія.

Переходимъ теперь къ разбору послѣдняго обвинительнаго пункта противъ мучениковъ. Вся сила обвиненія по этому пункту заключается въ томъ, что будто трехсолнѣный подвигъ мучениковъ роняетъ достоинство Главы христіанства, который, по словамъ свободныхъ мыслителей, на все это время какъ бы сталъ въ сторонѣ, отъ дѣла и безучастно смотрѣлъ на невинно проливаемую за Него кровь. А это, по ихъ словамъ, или равнодушіе, или прямое Его безсиліе, слѣдовательно недостатокъ, несвойственный божественному лицу.

Мученики! Что скажете на это? Такъ ли было, какъ говорятъ свободные мыслители, или иначе?

— Что сказать вамъ! Надо не знать совершенно ни ужасовъ гоненій на христіанъ, ни опасностей отъ нихъ для вѣры, ни немощей человѣческой природы, чтобы объяснять нашъ подвигъ безъ божественной помощи.

Отвѣтъ рѣшительно побѣдоносный!

Въ самомъ дѣлѣ, какъ объяснить подвиги мучениковъ безъ особенной Божіей помощи? Сравненіемъ ихъ съ изуверами—фанатиками, подъ вліяніемъ духовнаго возбужденія умиравшими иногда за свои мнѣнія? Но тутъ нѣтъ никакого сравненія, какъ нѣтъ сравненія капли съ моремъ. Число жертвъ изуверной смерти, взятое даже вмѣстѣ на пространствѣ всѣхъ вѣковъ, въ сравненіи съ числомъ замученныхъ христіанъ, ничтожно. Это, дѣйствительно, тоже, что капля въ морѣ. Жертвы изуверства притомъ являлись только по временамъ, какъ исключеніе изъ общаго порядка; гоненія же на христіанъ продолжались триста лѣтъ почти непрерывно, такъ что нѣкоторые промежутки, или сравнительно мирные дни для христіанъ, по незначительности своей представляютъ

собою какъ бы нѣкоторое только отступленіе отъ общаго печальнаго жребія ихъ. А какъ невыразимо—звѣреки мучили христіанъ! Какъ опять утонченно и обольстительно заботи- о совращеніи ихъ отъ вѣры во Христа!

Содрагаются члены, замираетъ сердце и цѣпенѣтъ мысль, когда читаешь у историковъ о разнообразіи мучилищныхъ ору- дій, какія гонители употребляли при мученіи христіанъ, или о разнообразіи рода смертей, какія они изобрѣтали для нихъ, или наконецъ о приемахъ и способахъ, какіе они нускали въ ходъ при пыткахъ и истязаніяхъ. Не менѣ изумляешься при этомъ и тому, какъ гонители были изобрѣтателины въ разнаго рода обольщеніяхъ и соблазнахъ, и какъ, наконецъ, изворотливы въ словопреніяхъ о вѣрѣ. Но ни всевозможные роды пытокъ и смертей, ни всевозможные роды обольщеній и приманокъ, ни- какое краснорѣчіе риториковъ, никакая утонченная диалектика философовъ и изворотливость софистовъ, никакія общанія и сладкія рѣчи повелителей не въ силахъ были поколе- бать вѣрованія истинныхъ христіанъ и заставить ихъ от- речься отъ Христа. „Христіанъ можно умерщвлять, но не побѣдить“, въ виду такого факта увѣренно и дерзновенно воскликнулъ въ своей апологіи къ Римскому императору Лустинъ Философъ. (*) Серьезный наблюдатель не можетъ не задуматься надъ этимъ историческимъ явленіемъ. Но еще болѣе возрастаетъ изумленіе, когда подумаешь, что христіа- не, открыто исповѣдавшіе предъ мучителями истинность своего вѣрованія и ложность всякой другой религіи, во всемъ осталь- номъ покорствовали властямъ и законамъ имперіи, не оже- сточались противъ гонителей и, не смотря на безчисленное множество свое, съ каждымъ днемъ возраставшее все болѣе и болѣе, не слагались въ политическую партію съ цѣлю са- мозащиты или дѣйствительнаго вооруженнаго противодѣйствія. Все было противъ нихъ: и императоры, и государственные законы, и господствующая религія, и литература, и народные нравы, и все прошлое въ исторической жизни и все настоя- щее—все и все было противъ нихъ, никто и ничто за нихъ! Все боги покоренныхъ народовъ нашли себѣ мѣсто

(*) Апологія.

въ римскомъ пантеонѣ; всѣ культы этихъ народовъ прип-
ты были подъ покровительство законовъ; одному, одному толь-
ко Иисусу и Его послѣдователямъ объявлена была безнащад-
ная, непримиримая вражда, вражда на смерти, вражда на
всегда. Оттого то востокъ и западъ тонули въ крови му-
чениковъ цѣлыхъ 300 лѣтъ. Звѣри цирка, кипящее олово
и смола, мечъ и стѣпора палача, огненная печь и зажженные
костры, коса и пила, висѣлица и дымъ для задушенія, кре-
сты для распятія, колеса для вытягиванія жилъ,—всѣ эти и
имъ подобныя орудія смерти, за незначительными промежут-
ками, во все это время практиковались надъ смертію лишен-
ныхъ покровительства законовъ христіанъ. Было время, ког-
да десятки тысячъ изъ нихъ осуждались на позорную смерть
въ одинъ день. „Нѣтъ намъ нигдѣ убѣжища, писалъ одинъ
изъ нихъ изъ глубины римскихъ катакомбъ“; пещеры и
скалы больше не укрываютъ насъ отъ нашихъ гонителей;
всюду наша кровь льется рѣкою и невидится конца избѣ-
женіямъ. Серьезный наблюдатель невольно спрашиваетъ здѣсь:
чтоже при такомъ ужасномъ положеніи въ теченіи трехъ
сотъ лѣтъ поддерживало вѣру христіанъ? Одно сознаніе
христіанами божественности Христа и Его истины, для разрѣ-
шенія этого вопроса, намъ кажется, еще недостаточно.
Природа человѣческая не любитъ страданій; всѣми чувствами
и инстинктами она противится имъ: предъ лицомъ смерти
трепещетъ,—предъ лицомъ смерти насильственной и мучи-
тельной содрагается. Подъ трехсотлѣтнимъ патискомъ она не
выдержала бы, не устояла бы, пошатнулась бы, сломилась
бы. Какъ ни возбуждайте силы физическія и нравственныя,
онѣ не сдѣлаютъ и шагу далѣе тѣхъ предѣловъ, какіе указа-
ны имъ ихъ природою. Это—законъ непреложный. На немъ
то и основаны неустойчивость и кратковременность взры-
вовъ фанатизма. А потому одно сознаніе христіанами боже-
ственности Христа и Его истины, рассматриваемое, какъ толь-
ко естественное душевное явленіе, представляется въ дан-
номъ случаѣ недостаточнымъ. Что же въ христіанахъ поддер-
живало непоколебимое духовное мужество ихъ предъ лицомъ
страданій и смерти? Что не давало ослабѣть ихъ духовнымъ
силамъ? Что ставило ихъ выше своей природы и держало

на этой высотѣ, изумившей весь міръ языческой? Что возбуждало въ нихъ и не давало заглухнуть тому убѣжденію, что имъ и еже жизни Христосъ, и еже умерти—приобрѣтеніе? Напрасно стали бы мы искать отвѣта на эти вопросы въ человеческой природѣ ихъ, въ экзальтированномъ состояніи ихъ духа: природа ихъ одинакова со всѣми, возбужденное состояніе духа знаетъ свои предѣлы точно также, какъ натягиваемая тетива терпитъ потугу до известной только степени, далѣе же порывается, лопасть. Искать отвѣта на эти вопросы мы должны внѣ природы мучениковъ и непременно въ томъ, что выше ихъ природы. Не обинуясь, говоримъ, что это было дѣломъ того же Духа Отца небеснаго. (Мѣ. X 20) Который, согласно обѣщанію Христа Спасителя, никогда не покидалъ св. Апостоловъ въ трудныхъ обстоятельствахъ ихъ благовѣстническаго подвига. Этотъ же Духъ всемогущій не покидалъ и св. мучениковъ и не только подкрѣплялъ немощь естества ихъ и умѣрялъ въ нихъ страхъ смертный, но и, въ мѣру ихъ вѣры и любви ко Христу, разверзая и озаря небеснымъ свѣтомъ духовныя ихъ очи, давалъ имъ предвкушать неизреченную сладость небесныхъ обѣтованій, т. е. на вѣру ихъ отвѣчала духовнымъ озареніемъ, на любовь—небеснымъ утѣшеніемъ. Оттого истина ихъ вѣры и упованія становилась для нихъ не только несомнѣнною, но и какъ бы осязаемою. Отъ того все земное въ очахъ ихъ было не болѣе, какъ уметы. Отъ того первѣйшимъ желаніемъ ихъ было *возвеличить Христа въ тѣлѣ, аще—животомъ, аще ли смертію* (Фил. 1. 20). Отъ того и смерть за Христа для нихъ была вожделѣнною. *Желаніе и мамъ разрышится и со Христомъ быти* (23), восклицаетъ одинъ изъ нихъ, находясь въ узлахъ и темницѣ (16) за проповѣдь о Христвѣ. „Я—ишеница Христова и долженъ быть жренъ зубами звѣрей“, въ восторгѣ духа и въ духѣ пророческомъ высказался другой изъ нихъ, по распоряженію власти отпавляемый узникомъ въ Римъ на мученическую смерть „Прошу у васъ одной милости, воскликнулъ третій къ исполнителямъ надъ нимъ смертной казни, прошу у васъ одной милости: распните меня стремглавъ; я не достоинъ сравниться съ Господомъ въ моей смерти“.

Нѣтъ, такой непоколебимости вѣры, такого спокойствія духа предъ лицомъ смерти, такой любви ко Христу и полной готовности умереть за Него, въ теченіи трехсотлѣтняго мученическаго подвига, не могли дать мученикамъ однихъ только человѣческихъ силъ безъ божественной помощи. Потому то и св. Апостоль Павель, приготовляя Филиппійцевъ къ мученическимъ подвигамъ, прямо смотритъ на мученичество, какъ на даръ Божій. *Вамъ, пишетъ онъ, даровася, еже о Христѣ, не только еже въ Него впровати, но и еже по Немъ страдати* (1. 29).

Положимъ, что это такъ; при всемъ томъ вопросъ разрѣшенъ только на половину. Изъ того, что доселѣ сказано, нисколько еще не разъясняется самое главное въ немъ, именно: какъ согласить самое допущеніе гоненій на христіанъ и особенно продолжительность ихъ съ божественнымъ достоинствомъ Христа, какъ Главы христіанства? Пусть на судъ разума христіанскіе мученики разъяснятъ и это.

— Но лзя ли разъяснить тайну судебъ Божіихъ? *Кто совѣтникъ бысть* Господу въ предвѣчномъ начертаніи имъ плановъ міроуправленія? Впрочемъ, если необходимо дать отвѣтъ и на этотъ вопросъ, мы, мученики, утверждаемъ, что гоненія на христіанъ допущены были Главою ихъ, безъ сомнѣнія, потому, что это было необходимо и плодотворно.

Внимательнѣе вдумываясь въ дѣло, нельзя не согласиться и съ этимъ отвѣтомъ мучениковъ. Разъяснимъ дѣло сравненіемъ. Кто напр. не знаетъ, что такое война? Сколько зла приноситъ она! Сколько крови проливается въ ней! И однакожъ война терпима; она иногда даже необходима, неизбежна, когда, безъ побѣды, не предвидится другихъ средствъ порѣшить распри народовъ. Но и побѣда, самая громкая и рѣшительная, не достается побѣдителю безъ жертвъ. И обыченѣе всего бываетъ такъ, что на полѣ битвы ложатся кости его лучшіе, его передовые борцы, которые первые выдержали натискъ не обезсиленнаго еще непріятеля, первые помѣрялись съ нимъ силою и военнымъ искусствомъ и своею стойкію охладили его воинскій жаръ. Безъ этихъ уже борцевъ, правда, раздадутся побѣдные клики ихъ собратьевъ по оружію, безъ нихъ напишутъ и условія міра; но въ

побѣдѣ главное все же отдадутъ имъ, какъ образцамъ мужества и самоотверженія, и между статуями мѣрнаго договора многія окажутся записанными ихъ кровію. Что такое было и гоненіе на христіанъ? Эта — тоже война, тоже борьба только не народа съ народомъ, а двухъ міровъ между собою: христіанскаго съ языческо-іудейскимъ, или, что все равно, на оборотъ. *Сія побѣда, побѣдившая міръ есть врагъ ваша.* Первый выстрѣлъ въ этой войнѣ раздался надъ колебелюю Богомладенца, когда Иродъ царь *испаль души сего строчати*; послѣднимъ выстрѣломъ былъ тотъ, послѣ котораго царь — отступникъ въ ужасѣ воскликнуть: „Галилеиницъ побѣдилъ!“ Христіане первыхъ временъ — это пресвѣтлое Христово воинство; мученики это — передовые, лучшіе бойцы этого воинства. Воспитывался подъ вліяніемъ новыхъ началъ мысли и жизни, принесенныхъ съ неба Іисусомъ Христомъ, послѣдователи Его не могли ни умственно, ни нравственно обобщиться съ началами древняго міра. Отсюда естественнымъ послѣдствіемъ была неизбѣжность борьбы этого міра съ міромъ новымъ, христіанскимъ, или борьбы вѣры съ невѣріемъ, истины съ заблужденіемъ и благочестія съ нечестіемъ. Такъ какъ перевѣсъ силъ физическихъ и политическихъ былъ на сторонѣ перваго, то отсюда естественнымъ образомъ произошло мученичество, или употребленіе надъ христіанами насилія. Не допустить этого явленія, или прекратить его видимо сверхъестественнымъ способомъ, было бы недостойно Бога. Это значило бы насиловать въ твореніяхъ свободу мысли и совѣсти; значило бы отнять нравственный характеръ отъ убѣжденій человѣка и его свободныхъ дѣйствій; значило бы обезличить человѣка, что было бы равно нравственному его изчезновенію. Съ другой стороны допущено было гоненіе и потому, что оно было дѣйствительно плодотворно, какъ, наприм., допускается меньшее зло для достиженія чрезъ это большаго блага, или для пораженія его его же собственными послѣдствіями, что вполнѣ приличествуетъ премудрости Верховнаго Промыслителя.

Міръ Іудейскій, сбитый съ истиннаго пути преданіями старцевъ и плотскимъ разумѣніемъ пророческихъ сказаній, не узнавъ обѣтованнаго Спасителя міра, отвергъ Его ученіе,

распялъ Его. Какъ было вразумить его, что онъ *отверся Святаго и Праведнаго и убилъ* на Голгоѣ, въ лицѣ Иисуса, не злодѣя, а *начальника жизни* и истины (Дѣян. Апост. III, 14); Того Самаго, о Комъ собственно и предсказывали пророки изъ среды его? Миръ языческой весь погрязалъ въ чувственности и на слово крестное смотрѣлъ, какъ на безуміе. Какъ было пробудить его къ жизни духовной? Какъ было разувѣрить его, что слово о крестѣ не — юродство и безуміе, а *Божія сила и Божія премудрость* къ возрожденію и спасенію человѣка (1. Кор. 1, 24)? Вотъ здѣсь то собственно и оказало услугу мученичество. Въ рукахъ Божественнаго Промысла оно послужило самымъ могущественнымъ средствомъ не только къ обличенію міра Иудейскаго въ томъ, что въ лицѣ Христа, за Котораго миліоны послѣдователей Его изъ всѣхъ народовъ съ радостію прие- млютъ смерть, онъ отвергъ обѣтованную Утѣху свою, но и таковымъ же могущественнымъ средствомъ къ преобразованію или обновленію міра языческаго. Такъ оно разбудило погру- женныя въ глубокой, многовѣковой, сонъ духовныя силы этого міра, указавъ наглядно на иныя для человѣка, кромѣ земныхъ, задачи его и интересы, собственно духовныя, небе- сныя, до того высокіе, до того многоцѣнныя, что, въ срав- неніи съ ними, и смерть мучительная не значитъ ничего. Оно предъ цѣлымъ міромъ обнаружило неистощимое богатство присущихъ христіанству Божественныхъ силъ, такъ рѣзко сказавшихся въ духовной жизни христіанскихъ мучениковъ, ихъ мужественныхъ страданіяхъ и смерти за Христа. Оно создало на всѣ времена высокіе образцы истиннаго самоот- верженія и любви къ Богу. Оно представило въ яркомъ свѣ- тѣ предъ лицомъ разлагавшагося древняго міра возраждаю- щее значеніе христіанства, какъ силы Божественной. Оно фактически доказало, что Глава христіанства, Христосъ, есть лице Божественное, истинная обѣтованная Утѣха Израилева и истинное обѣтованное чапіе языковъ, и такимъ образомъ совершило полный и рѣшительный поворотъ древняго міра къ новой всемірной исторіи на основаніяхъ вѣры во Христа. Константинъ Великій иступалъ на готовую уже почву; поэто- му онъ, такъ сказать, только формальный воспріемникъ по-

ворота и дальнѣйшій заправитель онаго, но не творецъ его. Вся честь въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ мученикамъ.

Кромѣ того, ничто столько не содѣйствовало къ распространенію христіанства, какъ мученичество. Изъ книгъ Апостольскихъ Дѣяній усматриваемъ, что въ *велие гоненіе на церковь Иерусалимскую*, все вѣрующе, кромѣ Апостоловъ, разсѣлились по странамъ Іудейскимъ и Самарянскимъ, куда не проникло еще гоненіе, по пути проповѣдывали о Христѣ и такимъ образомъ приобрѣтали новыхъ чадъ церкви Божіей. (Дѣян. VIII, 1—5) Этимъ путемъ христіанство распространилось и послѣ. Но то былъ все же не главный путь. Важнѣе его, при гоненіи, было мученичество. Незазорная жизнь мучениковъ, твердость ихъ духа при страданіяхъ, непоколебимая рѣшимость на смерть за вѣру во Христа и при этомъ кротость и любовь къ своимъ мучителямъ и молитва за нихъ, вотъ противъ чего не могли устоять иногда и самыя заклятыя враги христіанства! Нерѣдко умиляясь сердцемъ, они тутъ же, на мѣстѣ казни страстотерпцевъ, становились сами христіанами. Этимъ то нравственнымъ вліяніемъ мученичества особенно и распространялось христіанство, пускало свои корни во глубину духа вѣрующихъ, оживлялось и укрѣплялось до непоколебимости. Такимъ путемъ, между прочимъ, приняла христіанство и св. мученица, царица Александра. Какъ было сильно въ этомъ отношеніи вліяніе мучениковъ, мы имѣемъ на то свидѣтельство изъ самыхъ временъ мученическихъ. „Мы только вчера, а уже вездѣ. Насъ убиваютъ, а мы умножаемся. Кровь христіанъ есть воистинну сѣмя христіанства“, такъ писалъ одинъ изъ ученѣйшихъ христіанъ третьяго вѣка въ своей апологіи—Тертуліанъ. Иначе и быть не могло. Дѣло выше и сильнѣе слова. Но слово и дѣло вмѣстѣ это—полнота силы, вся совокупность нравственнаго могущества. И этимъ то могучимъ оружіемъ св. мученики не только поражали враговъ христіанства, но и уловляли ихъ въ плѣнъ вѣры Христовой.

Братія! Допросъ мучениковъ оконченъ, и мы видѣли, какъ они передъ судомъ разума побѣдоносно отразили все нападенія на нихъ свободныхъ мыслителей. Повторимъ же съ благоговѣніемъ то ихъ свидѣтельство о Христѣ, за ко-

торое они пролили кровь свою и отдали земную жизнь свою. „Одинъ только есть Богъ, сотворившій небо и землю, и одинъ Иисусъ Христосъ, Его единосущный Сынъ, въ царствѣ котораго мы будемъ участниками, который взялъ съ Собою на крестъ наши грѣхи вмѣстѣ съ ихъ наказаніемъ“.

О, Господи, Иисусе Христе! Благодатию Твоею сотвори, чтобы и мы въ вѣрѣ разумной, глубокой и непоколебимой сохранили до послѣдняго нашего дыханія исповѣданіе св. Твоихъ мучениковъ. Сотвори, чтобы мы, по слѣдамъ пресвѣтлаго мученическаго воинства Твоего, воинств овали дерзновенно за Евангельское слово Твое, за жизнь по духу, а не по плоти и, виѣ Тебя, на все земное смотрѣли, какъ на уметы. Ахъ, *какая польза, аще и весь міръ приобретаемъ, душу же свою отщестимъ* отъ Тебя, нашего Бога и Спасителя, Источника истины и жизни!

Протоіерей **Василій Розаліевъ.**

II.

Необычайное событіе въ селѣ Аскысскомъ, Минусинскаго округа.

13-го юли сего года вечеромъ, за 150 версть отъ села Аскыскаго, въ деревнѣ Теси, Абаканской волости, преосвященнѣйшій Антоній, чрезъ проѣзжаго, извѣщенъ былъ красноярскимъ потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Петромъ Ивановичемъ Кузнецовымъ, лѣтомъ по присковымъ дѣламъ своимъ проживающимъ въ сел. Аскысскомъ, чтобы поторопиться къ собравшимся въ томъ селѣ и ожидающимъ его около полуторыхъ тысячъ человекъ инородцамъ. Преосвященнѣйшій такому извѣщенію сначала не придалъ особеннаго значенія, не зная настоящей причины собранія. Однакожь, отправясь 14 числа утромъ рано, въ 4 часа по полудни былъ уже въ Аскысѣ, гдѣ извѣщеніе подтвердилось, съ добавленіемъ, что инородцевъ, не просвѣщенныхъ вѣрою во Христа Спасителя, собралось для крещенія уже болѣе двухъ тысячъ.